

Голод-о-море

вот я качаюсь с пятки на носок,
вот колосок себя в руках несёт -
с таким лицом, упругим, словно шаг,
с такой беззвучной музыкой в ушах,
что в переводе горький земляной
немеет и немотствует -
не мой
уже давно – ни хлеба и ни зре-
хлебнувши горя, не успев созреть,
несёт себя – и голод говорит
внутри него, сжигает словари
не ожегова – жажды и огня -
из слов,
рождённых
впереди меня
и сложенных в пустой земной живот,
откуда прорастает и живёт
не колосок, себя несущий, как
огромный полыхающий маяк,
но человек, страданию сродни,
из корневого света
и крови –
всего, что не случилось не с тобой,

не в этой жизни,
ни в какой другой.

крестоносец

и кто-то шёл, разбитый на шаги,
и дождь стоял на мостике – прогиб
и але-оп в текущем позвоночнике.
а человек прошёл,
потом закончился.

и вместе с ним закончилась вода,
такая мокроносовая, ни дать
ни взять - простуда и волнение.
ковчег качается
вовне,
во мне ли он?

и в ливневом, огромном и чужом,
себя обжив, изжить, скользнуть ужом,
какая жатва или, может, жажда тут:
напиться и войти сюда отважиться,

чтоб дважды в реку,
свет одно дыхание,
и дождь идёт, измученный, израненный -
уже не дождь,
и пить не просит рот.
и крест не знает,
кто его несёт.
чертовсполох
и ни души вокруг –
лишь заполошно
кричит моя душа чертополошья
и потому не слышно ни черта –
мой муравьиный брайль здесь
не читаем

забрасываю невод в невозможность –
вытаскиваю нежность нежить нож но

мой проходящий – непереходим
и дым отечества не сладок –
несладим

и чем мертвеет и живёт живица
пока жуковскому несладко спится
внутри у птицы:
дрожит подкрылок пятисложный ямб –
чешуйчатая жажда бытия

где немота похожа на икоту
и тянется от якова к федоту
ко всякой прямоговорящей твари
с моим лицом
траворастущими словами

На зеленых полях Гутенберга скворечь

стрижино-постижимое твоё
поющее слепое бытие
гнездется превыше всех скворешен
превыше звуков из иной скворечи

где волен свет и подневольна тьма
рембрандтовская полутень видна
ложится на безликое пространство
где всё простится нам
и все простятся

где тьма тревожна и стреножен свет
где зелен насекомый твой завет
и травословен
не от марка и матвея
евангелие макового семени

печатал так кузнечик гутенберг
и шрифт его коленчатый горел
в полях живых и на полях тетрадных
непострижим для взгляда

акациевый кит

расцветающей акации белый кит
вот гляди
мелькает его плавник
и пчелиный ахав нацеливает гарпун
в этом воздухе жарком
по-лу-ден-ном

то ли нега разлита в нём
то ли нагота
на изнанке ионы виднеется тень кита
в червоточинах
в человечинах
в точках вся
эта строчка - камера-одиночка

в ионическом море моем иронична вода
волна-лиза
улыбка твоя не оставит следа
на поверхности моря
а значит внутри судьбы
будут длиться суды
под условное бы

но пока я с тобой говорю из своей пустоты
из своей белизны
где цветаевым вольно цвести
чтобы стебель тире и точка тире тире
проплывает акация без корней
и тычинка ионы
ворочается
в ней

метаморфозы

видимо-невидимо
метаморфоз овидия
воздуха сотканного из птиц
человека внутри его голубиных лиц

выглянешь – больно
колется речь колокольная
кровью коровьей перетекает в сад
эй арчимбольдо
по ком деревья в тебе молчат?

так примеряешь тело
горького чистотела
перенимаешь шорох
долгий зеленый взгляд
будто вперёд качнувшись
вдруг прорастёшь назад

не пролетайте мимо!
воздухом неделимым
веткой над витебском ветром по-над водой -
голубой-голубой
как лицо твоё
до краёв наполненное бедой

2.
плотоядный свет
четырёхлап свиреп
облизал лицо – и лица на мне больше нет
обточила мне кости вода – и я стала течь
безъязыкой речью
где каждое слово – течь

так жила-поживала
то чёрным по белому
то живым воскресала сквозь мертвое тело
то травой то ветром но после всего – водой
чтобы шёл по мне аки посуху –
с одуванчиковой
головой